

А. И. Ефимов, *Язык сатиры Салтыкова-Щедрина*. — М., Изд-во Моск. ун-та, 1953. 496 стр., 1 л. портр.

Изучение языка писателя в его отношении к общенародному языку является одной из неотложных задач науки о языке. «Правильное разрешение этой проблемы имеет первостепенное значение не только для языкознания, но и для литературоведения и других смежных областей знания»¹. Особенно это надо сказать о языке тех писателей, критиков и публицистов, которые были представителями передовых, прогрессивных сил в развитии русской общественной мысли и русского литературного языка. И нельзя не порадоваться тому, что в последние три года их языку уделяется больше внимания — как в напечатанных трудах, так и в диссертациях.

Нужно приветствовать и появление книги А. И. Ефимова о языке сатиры Салтыкова-Щедрина. Во второй половине XIX в. литературная деятельность сатирика занимала видное место в идеологической борьбе с либеральной буржуазией и консерваторами, в борьбе против самодержавно-дворянского строя. В этой борьбе формировался язык Салтыкова-Щедрина, и достоинством рецензируемой книги следует признать то, что ее автор постоянно учитывает связь мировоззрения писателя с его языком, в частности со специфической лексикой и фразеологией его произведений. Акад. В. В. Виноградов пишет: «Самый индивидуальный отбор средств языкового выражения, принципы их концентрации в манере повествования или построения художественных образов, разные способы идеологического освещения или экспрессивной окраски используемого писателем языкового материала могут свидетельствовать о своеобразии мировоззренческой направленности стиля писателя (и даже целого литературного направления). Перед советским языкознанием стоит важнейшая, ответственная задача — ...точно определить, какими категориями следует руководствоваться при анализе стиля писателя — как системы выражения мировоззрения, и в чем, в каких средствах языка и их комбинациях выражаются эти идеологические устремления или замыслы художника»².

В своей работе А. И. Ефимов старался показать стилистическое своеобразие произведений Салтыкова-Щедрина, роль его в историческом развитии русского литературного языка. Для этого автор привлек большой лексико-фразеологический материал из произведений сатирика, а также собрал и систематизировал высказывания его о языке и стиле. В этом отношении книга полезна, хотя она и не дает полного представления о языке писателя: А. И. Ефимов ограничивается изучением преимущественно лексики и фразеологии, о чем и предупреждает во «Введении» к книге. В ограничении круга своего исследования автор волен, и с этим надо считаться, несмотря на естественное желание читателя иметь полную характеристику языка великого сатирика. Для суждения о книге, ее достоинствах и недостатках важно не то, чего в ней нет, чего автор еще не затронул, а то, как он выполнил свою задачу в пределах, установленных им самим. И здесь приходится признать, что поставленная автором задача разрешается им далеко не так, как этого хотелось бы.

*

Прежде всего следует указать на отсутствие в работе А. И. Ефимова цельности, одного стержня. Девять глав книги не связаны между собой, и она производит впечатление не монографии, а скорее сборника статей, которые объединяются только именем писателя. Не компенсирует этого недостатка и вводная часть: она не показывает отчетливо основной задачи и цели исследования и отражает в себе общую несвязанность его частей.

В книге нет целостности и единства и при рассмотрении отдельных вопросов. Материал неоправданно разбивается по разным главам: фразеология, например, изучается в шести разных главах; по разным главам распыляются иноязычная лексика, терминологическая лексика, анализ словообразования. С точки зрения чисто описательной такой разрыв, может быть, и безразличен; но он отнюдь не безразличен для решения определенных проблем при анализе языка писателя: проблемы иноязычия, проблемы термина, проблемы использования словообразовательных средств и пр. Избранный автором метод изложения суживает материал наблюдения и не дает достаточных оснований для выводов по данным проблемам. Автор вообще уделяет мало внимания этим общим проблемам; увлеченный описанием материала, он не попытался и в заключительной части работы объединить разобщенный им материал для построения и углубления общих теоретических выводов. Особенно пострадала иноязычная лексика, кото-

¹ «Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина...» [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 1, стр. 30.

² В. В. Виноградов, «Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания», сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 23.

рая занимает большое место в языке сатирика, но не получила в книге А. И. Ефимова должного освещения.

Не всегда удачны принятые в книге классификации слов. Например, классифицируя абстрактно-философские термины (стр. 137)³, автор не выдерживает единого принципа деления, кладя в основу классификации разные признаки: происхождение («исконно русские или церковнославянские слова», «заимствованные термины»), грамматический и словообразовательный признак («субстантивные слова», «суффиксальные образования», «словосложения»), фразеологическую структуру («фразеологические сочетания»). Это свидетельствует о том, что принципы классификации материала не всегда достаточно продуманы автором.

Самый метод исследования языка писателя, избранный А. И. Ефимовым, не вызывает одобрения. Как уже отмечено, работа носит описательный характер. Автор ограничивается констатацией главным образом языковых фактов, разнесением их по тем или иным рубрикам (на основании стилистических признаков) и толкованием значений слов и выражений. При отборе материала в некоторых разделах, в частности в главе о просторечии, автор почти исключительно опирается или на показания самого писателя, на его высказывания и комментарии в тексте, или на показания академического словаря 1847 г. Конечно, высказывания писателя и показания словаря интересны и полезны, хотя они далеко не всегда помогают автору книги: они слишком общи и недостаточны для раскрытия сущности языковых явлений. При анализе языкового материала нужны свои собственные принципы его характеристики и классификации; у автора данной работы их, видимо, нет; поэтому там, где он не может опереться на мнение писателя или на пометы словаря, чувствуется неуверенность (ср. на стр. 276 замечание о слове *тицетно*, которое «не оговорено в Академическом словаре как церковное»). Этим, вероятно, объясняется отсутствие в работе просторечных и «простонародных» слов из произведений Салтыкова-Щедрина, относящихся к 70—80-м годам: для этого материала нельзя было найти соответствующих помет в словаре, которые гарантировали бы правильные отнесения слов к тем или другим стилистическим категориям.

А. И. Ефимов не раскрыл специфики просторечных слов. Он не имеет четкого представления о просторечной лексике, путая ее с лексикой «простонародной», диалектной (см. 204 стр.), и не учитывает того, что термин «просторечие» на протяжении трех веков менял свое содержание.

Отсутствие теоретического обоснования в выделении и анализе просторечной лексики привело автора к беспорядочным перечням просторечных слов, к ошибкам в квалификации отдельных слов как просторечных (например, *пагуба* — стр. 203, *безнуждний* — стр. 210 и др.), к смешению просторечных слов с «чиновничье-служительскими» (*обвегорить*, *облапошить*, *уврать* — стр. 94). Самое определение просторечия в книге отличается недостаточной продуманностью: «...Просторечие — это категория сложная, это те побочные значения слов, которые в литературном обиходе были заслужены более употребительными значениями литературно-книжного, церковнославянского или профессионально-терминологического характера» (стр. 204—205). Определение это неприемлемо. Какая же стилистическая категория не сложная? В каких же многозначных словах нет побочных значений? Автор, видимо, не разобрался в явлении многозначности слова. Он не установил, как побочные значения слова иногда переводят его то в ту, то в иную стилистическую категорию, сообщая ему соответствующую окраску, вплоть до вульгарной.

Конечно, работа А. И. Ефимова не является чисто теоретической; но языковед не может устранять из поля своего зрения вопросы теории языка. Без теоретического углубления в сущность вопроса многие положения исследователя останутся недоказанными и материал не получит достаточно глубокого научного освещения. Это подтверждается на примере рецензируемой книги.

Поставив перед собой задачу показать своеобразную лексику и фразеологию в произведениях сатирика, А. И. Ефимов ограничивает свое изучение лексикой и фразеологией публицистической, профессиональной, научно-терминологической, просторечной, церковнославянской и «книжно-беллетристической». Весь этот материал он не ставит в соотношение с общепроизводным языком, не «расценивает» его и не освещает «...с точки зрения общих тенденций языкового развития», как это рекомендовал делать акад. В. В. Виноградов еще в 1946 г.⁴

Увлеченный «речетворчеством» сатирика, А. И. Ефимов не учитывает того, что словарные средства писателя нельзя ограничивать публицистической, просторечной и прочей лексикой. Лексика писателя гораздо шире. Ведь каждый писатель пишет на общепроизводном языке; в языке любого писателя господствует общепроизводная лексика, в которую лишь в той или иной мере вводятся слова просторечные, диалектные и т. п.

³ Здесь и дальше в тексте в скобках даем ссылки на страницы рецензируемой книги А. И. Ефимова.

⁴ В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв., «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1946, вып. 3, стр. 225.

Необшеупотребительная лексика занимает в произведении писателя небольшое место — от 5 до 20%, в зависимости от содержания, от характера персонажей, от жанра, от мировоззрения писателя и пр. Салтыков-Щедрин в этом смысле не представляет исключения: в его языке, может быть, лишь больше представлена необшеупотребительная лексика, чем, скажем, у И. С. Тургенева или Л. Н. Толстого, но господствует все-таки лексика общеупотребительная.

*

В анализе языковых явлений А. И. Ефимов стоит почти исключительно на семантико-стилистической позиции. Его интересует главным образом смысловая сторона слова и его «стилистический паспорт». Книга посвящена не языку сатиры, как об этом говорит заглавие, а ее стилю.

Разумеется, семантико-стилистический подход к языковым явлениям при изучении языка писателя необходим, но нельзя забывать и об их грамматической стороне. Без грамматического анализа многое в стиле писателя останется неясным, а само исследование будет иметь меньшую ценность для изучения теории и истории языка.

Так, например, А. И. Ефимов не показал, в чем заключается грамматическая специфика просторечных слов. Он не учел особенностей их структуры. В книге не отмечена, например, особая роль в образовании просторечных глаголов некоторых приставок, суффиксов, частицы *ся* в определенных условиях, междометных форм глагола и др. Просторечность некоторых слов не поставлена в связь с их происхождением или с историей слова в русском языке (ср., например, такие слова, как *житься, каякаться, рожеон, свара* и др.). Не учтены ассоциативные связи таких просторечных слов, как *облаять, таякать, лопать* и пр.; между тем одно лишь присутствие таких связей в слове, без воздействия со стороны приставок и суффиксов, переводит его в разряд просторечной лексики.

Не удовлетворяет читателя и анализ сложных слов. А. И. Ефимов правильно отмечает, что словосложение — это «активный прием словообразования», что сложные слова отличаются «разнообразием структуры»; но в книге это не показано. Автор не вскрыл даже семантической структуры сложных слов, всего многообразия в смысловых соотношениях их компонентов. Грамматическая структура сложных слов не анализируется и не принимается во внимание. В своих перечнях автор объединяет разные по грамматической структуре сложные слова (стр. 350, 358—359) или классифицирует их не по грамматическим признакам (стр. 352—353). Он скопляет по поверхности языковых фактов, не пытаясь установить существующие синтаксические отношения между компонентами сложных слов. Между тем без уяснения семантической и грамматической структуры сложных слов (особенно прилагательных) нельзя понять их своеобразной роли в языке сатирика. А ведь автор книги это именно и ставил своей задачей. По поводу сложных слов он не раз говорит о «характере синтаксических отношений» (стр. 351), о «стилистико-синтаксических явлениях» (стр. 353), о «разнообразии структуры» (стр. 360). На деле все это только слова. «Грамматический» анализ ограничивается делением сложных слов на «субстантивные синтагмы», «атрибутивные синтагмы» и «субстантивно-атрибутивные синтагмы» (стр. 353—354). Этого, разумеется, далеко не достаточно для показа собственно языковой специфики сложных слов (типа *ерундиозный, белибердоносы* и др.).

Желая показать специфичность синтетических сложных слов у Салтыкова-Щедрина, А. И. Ефимов впадает в заблуждение. Говоря о том, что «...уже в романах и повестях Тургенева такого обилия сложных слов не наблюдается», автор заключает, что этот факт «свидетельствует о жанровой принадлежности подобных словосложений, нашедших в сатире Щедрина широкое применение» (стр. 358). Умозаключение неправильное. Дело не в жанре сатиры. Сложные слова широко представлены в самых разных жанрах, например, в лирике символистов, а как она далека от жанра сатиры! Таких слов много и в несатирической повествовательной прозе нашего времени, например, в романе К. Федина «Первые радости». Сложные слова, особенно прилагательные, широко употреблялись писателями самых различных литературных направлений и эпох: Г. Р. Державным, В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем, И. С. Тургеневым, М. Е. Салтыковым-Щедриним, символистами, а в советскую эпоху — и представителями социалистического реализма. Многие писатели обращались и обращаются к созданию сложных слов в различных жанрах, но почти у каждого писателя эти слова имеют особый характер, свойственный именно его стилю: державинские сложные прилагательные отличны от сложных прилагательных у Жуковского не походят на слова той же категории у Гоголя и т. д. Значит, дело не в жанре, а в стиле писателя. А. И. Ефимов не прибегнул к более широкому сопоставлению и пришел к неправильным выводам, которые дезориентируют и читателя книги, если тот поверит автору на слово.

Отсутствие глубокого и всестороннего семантико-грамматического анализа сложных слов не дало возможности А. И. Ефимову показать, что многие сложные слова,

созданные сатириком, находятся «в полном соответствии с внутренними законами развития русского языка» (стр. 350). По различным поводам автор не раз упоминает о внутренних законах, но нигде их не показывает и не раскрывает. Очевидно, упоминания о них ни к чему не обязывали его. А кажется, что чеховская мысль о том, что если ружье висит на стене, то оно должно выстрелить, не в меньшей мере обязательна и для научной работы.

*

Вопрос о словотворчестве Салтыкова-Щедрина занимает одно из центральных мест в книге А. И. Ефимова. И здесь — много неясного, такого, что может запутать читателя. По книге нельзя, например, судить о том, какие же слова действительно являются продуктом словотворчества сатирика. Так, говоря о «речетворчестве» писателя, автор, наряду с щедринскими новообразованиями, перечисляет слова: *ремесленность*, *красивость* (стр. 326), *актуальность*, *безнаказанность*, *бесцельность*, *гнущность*, *естественность*, *звучность*, *искусственность*, *исключительность*, *изрибость*, *костность* и многие другие (стр. 327). Но ведь все эти слова были в литературном языке и до Салтыкова-Щедрина и не могут рассматриваться как его новообразования. Возможно, этим перечнем автор хотел сказать что-то другое, но тогда нужно было придать большую точность и логичность изложению и яснее сформулировать свои намерения. Преподнесенный же в таком виде, данный раздел вызывает только недоумение и недоверие ко всему ходу мыслей автора.

Автор вообще очень произвольно распоряжается словами, относя их часто без всякого основания к «неологизмам», к «новообразованиям», к «сатирическим новообразованиям». В разряд таких слов у него попадают: *буйство*, *зубоскальство*, *крячкотворство*, *лахоиство*, *сводничество* (стр. 336), *раздаватель*, *допрашиватель*, *охранитель*, *толкователь*, *истолкователь* (стр. 342), *вопроситель*, *умиротворитель*, *насадивитель* (стр. 343), *лятедь* (стр. 70), *укрывательство* (стр. 62) и др. А ведь и эти слова существовали до М. Е. Салтыкова-Щедрина. Автору следовало предварительно справиться в словарях, чтобы подобных непроверенными сведениями не вызывать у читателей недоверия к книге.

В 60-е годы XIX в. не были «новоявленными» или «новыми терминами» и такие слова, как *нигилизм* (стр. 163), *нигилист* (стр. 42, но ср. стр. 29), *прогресс* (стр. 42) и др. Напомним, что первые два употреблялись еще в 20-е годы XIX в. Н. И. Надеждиным, а последнее было известно в Петровскую эпоху (хотя и в несколько ином значении).

Автору следовало бы не просто говорить о творческом развитии Щедрина «лучших традиций стилей передовой русской литературы» (стр. 486), а на конкретных фактах показать связь щедринского словоупотребления с этими традициями. В книге упоминаются А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский, но ведь это — современники Салтыкова-Щедрина. Следовало бы пойти дальше и обратить внимание на декабристов и особенно на А. Н. Радищева, который первый тонко разработал основные принципы построения публицистической речи, оказавшие заметное влияние на декабристов, Белинского и революционеров-демократов 60-х годов, в том числе и на Салтыкова-Щедрина. Для такого сопоставления автор мог бы воспользоваться напечатанной еще в 1951 г. работой Н. Ю. Шведовой⁵.

Было бы также хорошо, если бы автор книги, установив степень употребительности различных суффиксальных образований в языке сатирика, сопоставил их с употреблением тех же образований в общенародном русском языке. Это дало бы ему основание не просто констатировать наличие образований с теми или иными суффиксами, а проследить определенные процессы в истории развития русского языка. Тогда автор мог бы говорить не просто о «неприязни Даля к суффиксу *-ство*» (стр. 258), а о каком-то типичном явлении в области суффиксального образования и о степени сравнительной устойчивости в языке тех или иных образований.

Вопросы словосложения и суффиксального словопроизводства рассматриваются в главе о «книжно-беллетристической лексике». Введение этого термина не обосновано: художественная проза не имеет ни особой специфической лексики, ни особых способов словообразования; в ней многое определяется объектом и манерой изображения. О неудачности термина «книжно-беллетристическая лексика» говорит уже обзор ее возможных контекстных сочетаний (на стр. 316), где в «книжно-беллетристическую лексику» включается лексика официально-канцелярская, публицистическая, профессионально-терминологическая, церковнославянская и пр., т. е. та, о которой говорится и в других главах. Следует отметить, что излишнее терминологизирование вообще является недостатком книги А. И. Ефимова.

⁵ Н. Ю. Шведова, Общественно-политическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951.

Сбивают с толку читателя и некоторые неправильные утверждения. Автор, например, заявляет, что причастные формы находились «во время Щедрина за пределами литературного языка» как «пержиточный элемент „семинарского слога“» (стр. 261). В подтверждение своей мысли он ссылается на слова Л. Н. Толстого, который говорил, что причастия совершенно чужды русскому языку. Ссылка неудачна. Во-первых, автор книги не дочитал слова Л. Толстого, который, говоря о причастиях, в качестве примеров приводит не причастия, а деепричастия. Во-вторых, во всей нашей русской литературе ни у кого из писателей не было такого обилия причастных форм, как в произведениях Л. Толстого. А Некрасов? Вопреки мнению автора книги, причастия употреблялись и «в речи воспитанников семинарии», и в «дворянской речевой культуре» (пользуюсь выражением автора, стр. 260). Как бы причастия ни квалифицировались, они «во время Щедрина» не только находились в «пределах литературного языка», но были и весьма употребительны.

*

Несколько лучше, по сравнению с лексикой, рассмотрена в рецензируемой книге щедрина фразеология. Но, как уже говорилось, она разбросана по шести разным главам. Эта разорванность в изложении помешала автору рассмотреть и обобщить разнообразные семантические и синтаксические связи слов и фразеологических сочетаниях, их грамматические формы, степень их устойчивости и слитности и т. д. Она помешала выявить в полной мере и фразеологические новообразования сатирика. До некоторой степени это определяется и отсутствием сопоставлений с общепринятым языком.

Для определения степени новизны и оригинальности фразеологических сочетаний у Салтыкова-Щедрина достаточно было бы сопоставления с языком его современников — писателей, публицистов и критиков. Но такие сопоставления в книге А. И. Ефимова единичны и случайны; отсюда — отдельные промахи. Например, по поводу выражений *красивенное декольте, вкусные умственные обеды, эпоха соуса* читаем: «В стилистическом отношении такое сближение слов различных лексических кругов являлось новаторством. У современников и предшественников Щедрина мы не встречаем такого смелого объединения контрастных речевых средств» (стр. 377). Но автор ошибается. Если бы он обратился к А. И. Герцену, то нашел бы у него в «Былом и думах» не менее смелые и неожиданные сочетания слов: *физически и нравственно застесняться пальто на все пуговицы, душные жабры, душной кварталный, равноапостольный татарин, жареный исправник* и т. п. Сближение далекого для Герцена было не менее характерно, чем для Салтыкова-Щедрина. Он довольно часто нарушал привычные связи слов в целях усиления экспрессивности речи.

А. И. Ефимов излагает вопрос так, будто никто, кроме Салтыкова-Щедрина, не прибегал к необычным связям книжных слов с просторечно-бытовыми словами. Если автор книги действительно так думает, то, разумеется, ошибается. Таких сочетаний немало у современников Салтыкова-Щедрина; например, у Д. И. Писарева в статье «Реалисты»: *мусор логичных понятий, стряпал разные стилистические мишталности, эстетическая скорлупа, закланный эстетик, крочкотворная аргументация* и т. д. Сходные явления находим у Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и других.

Прием повторения эпитета тоже не является характерным только для Салтыкова-Щедрина: он широко используется в художественных произведениях Л. Толстого.

Неубедительным представляется ход мысли автора относительно «смыслового центра» во фразеологических сочетаниях *политический разорват, политическая независимость, политические предрассудки, политический индифферентизм* и пр. (стр. 65—66). Он утверждает, что в этих сочетаниях опорным словом служит определяющее, что «это особенно заметно в выражении *неблагоденный человек*, в котором удельный вес первого элемента настолько велик, что с течением времени отпала даже необходимость в другом члене» (стр. 66), т. е. произошла субстантивация определяющего (*неблагоденный*), подобно словам *купчая, гербовая, городничий* (стр. 66). Но отождествить первые сочетания со вторыми, в которых произошла субстантивация, никак нельзя. Субстантивация происходит обычно тогда, когда одно определяемое может быть отнесено к разным определяющим: *человек — мастеровой, слепой, хромой, рассильный, ученый, военный, рабочий, неблагоденный и пр.*; *бумага — гербовая, накладная, закладная, подорожная* и т. д. Определяющие слова в этих случаях выполняют дифференцирующую роль. В первой же группе фразеологических сочетаний, наоборот, при одном определяющем имеется ряд разнородных определяемых. И, естественно, в соответствии с ходом мысли автора появляется вопрос: следовательно, в них, а не в определяющем (*политический*) нужно усматривать опорные слова? Рассуждение автора шло явно неправильным путем, а потому и неубедительно. Сопоставление не привело к ясности.

*

Спорной является мысль автора о том, что «роль писателя в развитии национальной речевой культуры определяется, наряду с «оригинальностью и своеобразием его творческого „мастерства“, «...открытием» и привлечением новых, еще не освоенных литературой речевых средств, расширяющих самые границы и возможности литературного языка» (стр. 9—10). П. Д. Боборыкин создал много новых слов (по его подсчету — 2000), но способствовал ли он этим развитию и совершенствованию общенародного языка? С другой стороны, Л. Толстой и Тургенев создали мало новых слов, роль же их в развитии русского литературного языка неизмерима. Дело, значит, не только в «открытии» новых слов и оборотов, а прежде всего — в принципах отбора, обработки и использования уже имеющихся в общенародном языке средств для реалистического показа жизни и верности передачи типических характеров в типических обстоятельствах.

Работая в рамках общенародного языка, писатель отбирает нужные языковые средства согласно своим художественным установкам, мировоззрению и индивидуальным вкусам, что и придает своеобразие его стилю. Стиль писателя влияет на развитие общенародного литературного языка. Например, работа Пушкина, Тургенева и Толстого над предложением проходила в рамках единого общенародного языка, но результаты этой работы были различны и по-разному влияли на общий ход развития синтаксического строя русского языка. Своеобразие стиля Салтыкова-Щедрина определяется не только изобретенными им словами и оборотами, а особенностями отбора слов из общенародного языка, манерой их сочетания и использования в художественном произведении. Это и есть то главное, основное, что обуславливало специфику его стиля.

Проблема языка писателя в его отношении к общенародному языку в наши дни только поставлена и представляется весьма трудной для решения. «Самым сложным и трудным вопросом, возникающим при изучении индивидуального стиля писателя, — говорит В. В. Виноградов, — является вопрос о соотношении личного или личностного и общего, языкового в структуре этого стиля»⁶. И можно пожалеть, что автор книги о языке Салтыкова-Щедрина не только не воспользовался случаем, чтобы в какой-то мере способствовать решению этого вопроса, а даже как бы уклонился от него, хотя на протяжении всей книги не раз упоминает о связи языка писателя с общенародным языком. Невнимание к этой важнейшей проблеме сильно повредило книге. Автор показал своеобразие языка сатирика только частично, остановив свое внимание на его «речетворчестве»; роль Салтыкова-Щедрина в развитии русского литературного языка оказалась не раскрытой. А. И. Ефимов не выполнил основной задачи, которую сам поставил перед собою, а потому и общие выводы его не вполне отвечают содержанию книги.

Что касается стилистической стороны книги, то надо отметить, что в целом она написана хорошим слогом, но имеются некоторые досадные стилистические погрешности. Так, например, на странице 64 читаем: «Не говоря уже о своеобразии синтаксических отношений этих слов — определяемое, следовательно начало изучению языка и стиля (новорожденная), и определяющее (дорогая), — позволяющее говорить о ведущем и подчиненном, второстепенном элементе, с точки зрения семантических взаимоотношений, компоненты этого выражения тоже не равноценны». Иной, чисто геллертерский характер имеет фраза на стр. 291: «Этот прием оригинален тем, что сатирик, беря, например, фразеогаммы делового, официально-канцелярского стиля, проецирует их на эквивалентные (конечно, иронически), церковно-библейские изречения». Не останавливаясь на других, более мелких, недочетах и сомнительных местах книги, следует признать: она полезна уже тем, что в ней положено начало изучению языка и стиля великого сатирика-революционера. Хотя книга А. И. Ефимова далека от совершенства, от нее и нельзя требовать безупречности: «Наука о языке писателя — наука новая»⁷. В ней, как в любой серьезной работе, возможны всякого рода промахи. И поскольку методы научного исследования языка писателя еще не разработаны, нужна благожелательная критика по существу в целях внесения «поправок и дополнений» в это большое дело.

А. Ф. Ефремов

⁶ В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка..., стр. 231.

⁷ «Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина...», стр. 30.